

О ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

1. Если Вы что-то написали, это всегда — прекрасно. Потому что — Вы это написали, а уж Вы-то себя знаете.
2. Чтобы публично удостовериться, прочитайте то, что Вы написали, жене, маме, близкому другу или коллеге, если он Вас почему-то любит. Вы убедитесь, что именно — прекрасно Вы написали.
3. Ах, как глубоко они Вас понимают!
4. Получив эту уже даже совершенно, может, и лишнюю (Вы, что ли, себя не знаете?!) поддержку, смело отправляйте То, что Вы написали, в журнал или в издательство, которое сочтете достойным.
5. Из журнала или издательства Вы, как правило, получите вялую отписку, что у них есть план, нету, к сожалению, места, но проблемы, Вами затронутые, весьма интересны, так что, если Вы еще над этим поработаете, они с удовольствием с Вами еще пообщаются.
6. Ну, можете работать всю жизнь. Это отказ.
7. Может быть и прямой отказ: с глупейшими аргументами. Сразу видно, что этот Некто до мыслей Ваших — не дорос и вообще фигура сомнительная в ментальном смысле. Кто он? Что он? Никто!
8. Возможно, Вы правы. Это бывает.
9. Реже, но бывает, что Вы — через какое-то время — вдруг ахнете и, вскочив с постели без гардероба, броситесь то, что Вы написали, снова читать. И Вам вдруг захочется найти в своих бумажных завалах тот глупейший отзыв, потому как что-то в нем, кажется, было.
10. Не найдете, конечно. Да это и неважно.
11. Такое случается и без повода извне. Значит — живой.
12. Меж тем, то, что Вы написали, уже обрело — предположим — вдохновляющую известность среди широких кругов близких родственников и знакомых. И, коль попадается недоумок из новых читчиков, Вы уже можете компетентно защититься. К примеру: «Ну, это-то даже моей Наташе (Кате, Свете) понятно». Или «Даже Алексей Иванович, на что уж зверь, был буквально потрясен: не называя, конечно, фамилии, процитировал на вчерашнем Ученом совете».
13. Особенно широко нельзя Вашим мыслям давать расходиться. Потому что — украдут тут же! Дело известное: Маркони украл у Попова, Вольта — у Гальвани. А Гаусс — что? — ведь идею Бойя он не украл только потому, что боялся за свой социальный статус. А так, украл бы за милую душу! Где доказательства, что он сам додумался до неевклидовой геометрии? Миф!
14. За собственным имиджем — Гаусс прав — нужно следить. Если Вашу работу, все равно — научную статью, учебник или монографию, вдруг где-то напечатали, то в Списке использованной литературы Ваша фамилия должна занимать минимум три четверти списка.
15. Иначе у недоброжелателей может сложиться впечатление, что мировая культура — необъятна, имен слишком много, а Ваше — случайно затрется в этом непроваренном ворохе.

16. Однако двух-трех коллег Вы непременно внесите: с ними — работать. Теперь в чести междисциплинарные связи, так что неплохо выбрать по словарю и кого-нибудь из неожиданной сферы.
17. Но! Полезно употребить Аристотеля или Платона. Их все равно никто не читал, но это автоматически вставляет в развитие общечеловеческой мысли — без ущерба для Вашего имени.
18. Следует особо приглядываться за цитатами. Цитаты либо заменяют мысль автора (это не Ваш случай, это — когда своих мыслей нет, и тогда беспроборно). Или мысль подкрепляют: тогда их должно быть умеренное количество, и они свидетельствуют о наличии у Вас единомышленников или достойных противников (невольно вспоминаются Бор с Эйнштейном, так же и у Вас), что Вас возвышает.
19. Кстати, прежде, чем приступить к писанию, конструктивно представить, что Вы — один на Земле, причем — первый. Иначе все, что они там до Вас наделали, Вас парализует.
20. И чем меньше Вы знаете (ну, всякого, чего Вам не надо!), тем это легче сделать: сбросить скромный рюкзачок, естественно, быстрее и проще, чем спихивать с плеч рюкзак безразмерный.
21. Но что-то главное при этом — должно остаться. Без этого вообще не напишешь.
22. Это таинственно.
23. Забавно, что в художественном произведении форма и есть мысль, поэтому каждое слово там — единственно, оно — ведет, даже лишняя запятая способна мысль разрушить.
24. А в научной статье ведет, наоборот, мысль, которая вовсе не озабочена единственностью каждого слова, а беспокоится исключительно о себе. Ей удобно — как Вам удобнее: живее, строже, суше, еще суше, совсем сухо, короче, чуть длиннее и очень длинно. Если мысль есть, она останется.
25. Но лучше — лучше.
26. Это, само собой, не значит, что в художественном произведении нет мысли, а в научной работе — формы. «Ровно наоборот», как любил выразиться Иосиф Бродский.
27. Прозрачность мысли рождает лишь точно найденный перпендикуляр: между мыслью и словом. Это — общешься!
28. Но только тогда — текст потом смотрится как легкость и простота. Во фокус!
29. Смертельный номер...
30. Письменная речь имеет еще и такую блажь: в тексте есть лишь то, что удалось в нем выразить, а не вся Ваша полнота. Внутри-то, может, у каждого полно! А попробуй-ка вырази письменно!
31. Чтобы в тексте выразилась бы мысль, а не трепет крыл.
32. А Вы — выразили. И это прекрасно!
33. Чтобы выразить, нужно найти слова и, желательно, между ними — связи. Это, кстати, не легче, чем словить рогами бабочку. Ибо слова бегучи, под руку нарочно лезут не лучшие, а нахальные, например, профессиональные термины.
34. Кажется, что на терминах Вы буквально летите к истине, так в ушах звенит. Это специальный такой терминологический звон. Звон принадлежности к звону: виртуальная, так сказать, смысловая реальность.
35. Самое коварное место в тексте — начало: оно дает мысли ритм, то бишь вектор. При малейшем попустительстве начало необратимо выпихнет Вас на странный аттрактор. Потом в нем волохайся!

36. Очень опасна — точка. Она требует мощных усилий организма, чтоб точно и вовремя ее поставить.
37. Если в том, что Вы написали, что-то Вас вдруг не удовлетворяет, имеет смысл произвести правку. Правка текста — это топологически-грамотное слабое воздействие: нужно уколоть в нужную точку: одно, может, слово убрать, а два другие переставить. Весь — волтузить не надо.
38. Это тексту вредно.
39. Единственная тут трудность — сообразить, куда ткнуть.
40. Есть еще материальный носитель: бумага или теперь — файл. Это еще одна реальность, между Вашей внутренней полнотой и тем, что Вам предстоит написать, вот еще морочка! Эта лишняя реальность ужасно сопротивляется, чтобы не допустить Вас до Вас.
41. По слухам, есть даже такая фобия: «боязнь чистого листа».
42. Это, скорее всего, бунт лени: она неустанно активна и ужасно как себя бережет. Так к этому и следует относиться.
43. Чтобы перейти к письменной речи — после устной, где помогают улыбки, симпатичные «прозрачки», сбивчивые повторы как знаки простодушной искренности, импровизационные скачки в сторону и т. д. — нужна особая концентрированная сосредоточенность: тишина внутри и воля создать.
44. Воли-то — Вам не занимать!
45. Если мысль не продумана, а только смутная щекотка внутри, ее никак невозможно четко отобразить на бумаге. И в файле — тоже.
46. Это загадочно.
47. Говорят, бывают такие субъекты, которым то, что они пишут, — не нравится. Им будто кажется, что это гадость: не то, не так и вообще черт-те что. Рвут, опять пишут. Черновики у них. Все недовольны!
48. Таких близко нельзя подпускать к писанию.
49. Некоторые, наоборот, все держат в мозгах, ничего на клочках не записывают, а ночью в башке прокручивают под одеялом. Этих — тоже нельзя подпускать. Они — больные на голову.
50. Писать надо легко, чтоб рука играла.
51. И если Вы что-то написали, это всегда — прекрасно. Потому что Вы — это, наконец, написали, а человечество еще не в курсе.